

400 ЛЕТ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ШЕКСПИРА

КАКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ КРАСОК,

О ГУМАН И ЗМЕ, величии, бессмертии Вильяма Шекспира сказано много. Кто-то пойдет дальше — скажет новое. Мне этого не даю. А повторять — зачем?!

Я могу лишь поделиться некоторыми мыслями, возникшими в связи с работой над тремя шекспировскими ролями.

Я мечтал играть шекспировские роли, стараясь понять, что делали актеры, игравшие эти роли до меня... Но... но, оказывается, труд актера не становится легче, если в каждой данной роли что-то понял другой; это не избавляет от долгих, порою мучительных поисков того, что другому ясно и очевидно.

Оказывается, каждый, особенно когда соприкасается с Шекспиром, умеет собственным опытом. И сколько бы мы ни вспоминали наших театральных корифеев, ни клялись их именами — ничего не сделаем, пока не будем делать сами.

Каждый день, неделя, месяц, год нашего бурного века приносит новое и новое. Новое в мире рождает новые ассоциации в вечном материале вечных тем шекспировских трагедий, комедий. Это новое диктует обновленное отношение к роли-образу. Такая емкость классического произведения делает труд актера особенно заманчивым, а роль-образ растет вместе с событиями, обществом, с самим актером.

В ОЗЬМЕМ образ Петруччо.

Долгое время спектакль решался по феодальным законам домостроя, физического и психического насилия («жена — да убийца своего мужа»), а также по законам своенравия, которое применял Петруччо, укрощая Строптивую...

Ю. А. Завадский предложил вместо «дрессировки» любовный дуэт, в котором нет побежденных, где победа принадлежит неукротимым, где побеждают оба... и фарсовая гиперболы превратилась в веселое, озорное состязание влюбляющихся друг в друга красных, сильных, свободных людей на шире жизни.

Действие приобретает упругость, стремительность, задор, карнавальность, радость существования, окрашенную полноводем чувств. С большим вкусом складывается красивый, ароматный букет из реализма без бытовщины, гуманизма без правдоучения, народности без стилизации, из театральной фантазии и поэтичности, и вспоминается надпись на фронтоме театра «Глобус»: «Весь мир лицедействует».

Мы любили этот замечательный спектакль. Любил его народ. Я не боюсь стать его пропагандистом.

О Петруччо скажу по-деловому.

Он решил поправить состояние, которое с шумом и треском спустило... на поминках по родителю, решил жениться на «денежном мешке».

И вдруг встретил красавицу девушку, а потом увидел в ней умницу, почувствовал в ней причудливое сочетание жизнерадостного и грустного, грубого и нежного, как сама жизнь; не вздорную, а гордую, свободомыслящую, защищающую свое достоинство и не признающую грубость по отношению к себе со стороны претендентов на ее руку и сердце. Понял, что за строптивостью глубоко спрятано нежное и женственное сердце.

Катарина почувствовала, что разгадана, и, защищаясь, дает пощечину. Зверевет Петруччо — он тоже никому не давал спуска. Зверевет... и восторгается ею и поцелуем скрепляет любовь. Если некоторые находили, что в Катарине живы силы Врунгильды и это делает ее недоступной, пока не приходит богатырь, то Петруччо обладает тем богатырским напором сильных, здоровых, красивых эмоций мужественного человека, верящего в ум, сердце, волю, против которых не может устоять Катарина, и победный побеждает.

Он так же, как и Катарина, ненавидит ханжей и лицемеров, знает их живучесть и приспособляемость, своими поступками издевается над ними. Он полон всепобеждающего творческого начала. Он один из авантюрных характеров эпохи, сангвиник, необузданная натура, оживляющая вокруг себя все и вся. Он натывается на подобный характер, как коса на камень, и... полетели искры, и зажгли они любовь.

По мере укрощения воинственность Петруччо уступает нежности, и ему давно уже хочется бросить ненужные атаки и отдаться любви, но злит необходимость продолжать «укрощение», хотя сам любит и укротим...

Я ДУМАЮ, законченное произведение искусства — не то, к чему нечего добавить, а то, от которого нечего отсечь.

Хотя я и сыграл Отелло 550 раз, к роли все еще прибавлял, и на горизонте еще не маячила пора, когда я начну отсекал.

Станиславский недаром считал, что актер начинает жить в образе после 200-го спектакля.

Вначале материал, связанный с образом Отелло, давил меня своим объемом и мощностью. Обилие документов материальной культуры, иконографического материала, история исполнения роли различными трагиками мира, великолепные памятники в сокровищнице мирового искусства от

Николай
МОРДВИНОВ,

народный
артист СССР

Леонардо да Винчи и Микеланджело до художников наших дней давали огромную пищу уму и сердцу. Действительность, в свою очередь, не скупилась на примеры расовой дискриминации и коварства.

Во всем этом надо было разобраться. Разбираться же было некогда. Первый вариант спектакля был создан за три месяца.

Чтобы сыграть верно колхозника, рабочего, интеллигента — наших современников, нужно знакомство с людьми, их профессией, чтобы характеристики не оказались расплывчатыми и общими.

Как же можно говорить о времени, удаленном от нас на четыре столетия, не изучив его досконально? Как говорить о вещах более тонких и глубоких, чем только внешние признаки? Как говорить о чести, нравственности, гражданском долге, любви... если не знать, какая образовалась

савец так и остался мавром, находящимся на положении изгоя.

Мы не хотели заставлять юную, красивую, смелую, воспитанную Дездемону полюбить нарочитое себе противопоставление — старого уroda, черта, берберийского жеребца... Мы не хотели уподобить ее тому снобу или пресыщенному гурману, который здоровой пище предпочитает дичинку с тухлинкой.

Всеми перечисленными эпитетами у Шекспира награждают Отелло недруги, а наветы редко соответствуют действительности. Муж, разлюбивший красивую жену, всегда находит в ней массу изъянов.

Во все времена перед многими народами вопрос расовой дискриминации стоял болезненно остро, и сейчас он не утратил остроты в мире капитала. Мы сосредоточили главное внимание на бесправии человека, на видимости прав Отелло,

КОГДА дух человека, НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

ВЕЛИКОЕ ДРЕВО

Джон ГОЛСУОРСИ

К радостный или печальный, ищет высокой ветки для своих цепких ног или опоры для поникших крыльев, он возвращается снова и снова к великому древу гения Шекспира, чью вечнозеленую листву не сушит зной, не губит холод, чей могучий ствол не может согнуть ветер.

Сверкает ли солнце на его листве, сияют ли звезды, стоит, уходя корнями в плодородную почву, это великое дерево — убежище и приют для человеческого духа.

Почему творения Шекспира, неиссякаемый источник утешения, так вдохновляют нас?

Потому что в непонятном мире диких и глупых страданий, чудовищных

Forsytes, Pencyces and Other by John Galsworthy, London, Heinemann, 1935.

противоречий и самых нелепых случайностей его герои не улетают за утешением в иной мир. Они не обитатели небес, они земные. Они ни перед чем не отступают, они все смеют и даже в трагические минуты никогда не теряют здорового безотчетного ощущения восторга и упоения тем увлекательным занятием, которое мы называем «жизнь». Совершенно земные, они олицетворяют веру в богатство красоты и разума на этой Земле. Им как бы присуща гордая щедрость Природы, и они не бросят ни одного взгляда в потусторонний мир; они наполняют нас радостью жизни —

даже если «дождь идет каждый день».

Правда спустилась ненадолго на землю, когда жил Шекспир, сорвала с глаз повязку и взглянула на мир: и добро, и зло, красота и уродство, смех и печаль отразились, как в зеркале, такими, какие они есть под этим солнцем и луной.

Какой широкий, вольный, смелый дух у этого человека — Шекспира, живой урок для узколюбых смертных с их строгой моралью и сердцами педантов. И какую Песнь он пел, навсегда воплотив Красоту в реальном, обычном и многообразном. «Ему недостает ис-

кусства, — сказал Бен Джонсон, — я хотел бы, чтоб он вычеркнул тысячу строк!» Пусть так! И все же, Бен Джонсон, что такое искусство?

У каждого дерева, даже самого великого, бывают мертвые сучья и от рождения сморщенные листья, но никогда не было духовного древа с таким богатством живительного сока, никогда не было древа выше и развесистей, чьи листья б так блестящие, где изумленная Весна могла раскрыть такие зеленые почки, а летний ветер так прошептать о счастье, где бы осенние ураганы ревели сильней, а зимой царила столь редкостная красота снежного безмолвия.

Пока жив человек, это Великое Древо, я думаю, никогда не превратится в опустошенный храм, где раньше пели птицы» (73-й сонет Шекспира).

С английского.
Перевод А. ТОВЕ

разница в этих понятиях и что роднит их с нашими?

Белый и черный.

Что это значит? Значило?

Эйзенштейн показывал мне материалы, собранные им по негритянскому вопросу. Показывал фото рабочих, ученых, политических деятелей, и среди них были даже белые. Оказывается, по законам южных штатов США человек, в котором есть хоть капля негритянской крови, — негр, вне зависимости от того, белый он или черный.

Сальвини решил своего Отелло как красавца мавра, которого встретил на Гибралтаре, но кра-

каким бы красивым он ни был, какую бы прекрасную биографию ни имел.

Этот ключ раскрывает глубокую социальную сущность трагедии Шекспира и дает возможность со всей страстью и во всю силу голоса говорить о главном, и какой бы силы темперамент, мысль, голос ни были, их никогда не будет слишком много.

Такова роль, таковы ситуации; и не дай бог употребить их во зло и против образа, на показ дикой ревности, отсталости и прочих качеств, преднамеренно унижающих человека.

Меня волновал в образе Отелло лишь человек

Отелло — Хамид ЮСУПОВ.

ПРИМИ ЦВЕТЫ

Кайсын КУЛИЕВ

ВСЕ, КОМУ ДОРОГА культура, кто чтит лучшие достижения художественной мысли человечества, в эти дни думают о Шекспире особенно углубленно. Все мы снова и снова стараемся постичь и осмыслить небывалую мощь нестарующих созданий величайшего поэта мирового театра, познать секрет его бессмертия. В праздновании юбилея генерального англичанина участвуют все народы. На этом празднике присутствуют ныне и горды Кавказа. И это еще одно подтверждение тому, что все истинно великое принадлежит всем народам. Свет всюду остается светом, а тьма — тьмой, добро везде имеет один цвет, и зло тоже. Люди знают это. Потому они, не щадя себя, бились с гитлеризмом и сокрушили его. В своей борьбе против зла, жестокости и тьмы люди, несущие свет, всегда опираются на своих великих предтеч, одним из которых является Шекспир. Вот почему все мы сегодня с горячей любовью признаем имя человека, рожденного четверста лет назад. Для каждого народа Шекспир стал его национальным гением, как и Лев Толстой, Бетховен и равные им мировые художники.

Я пишу эту заметку не с гордой мыслью умножить огромную литературу о великом поэте, а просто хочу от имени моих земляков горцев выразить нашу любовь к бессмертному англичанину, сказать, что Шекспир пришел и к нам, в наши горы, как добрый друг. Его мудрый и мужественный голос звучит и в моих родных горах. На празднике Шекспира хочу сказать о том, что для нас европейская культура не остается за семью замками, как бывало, что мы не оторваны от великой семьи человечества. Это не просто звонкие фразы, а факты нашей жизни, полные для нас громадного и радостного смысла. И сегодня мне очень радостно сказать об этом. А могло быть иначе. Мы должны благодарить мудрый ход истории. Я счастлив, что знаю увлекательный мир поэзии Шекспира и могу сказать о нем свое скромное слово, что я участник его прекрасного праздника.

КАКАЯ ОГРОМНАЯ ПАЛИТРА!

— большой, хороший, думающий, наивный от доверчивости человек, поставленный в нечеловеческие условия. Это нечеловеческое и создает масштабность характера.

Что это такое — человек? Что это за великая должность? Откуда начинается бесценный дар, возвышающий человека, — человечность? Что такое жить по законам справедливости и добра? Какими духовными потребностями был продиктован поступок нашего солдата, бросившего кусок хлеба пленным фашистам?! Они даже застыли в оцепенении, не поверив в порыв солдата, которого они же сами вынуждали их убивать?! Чем продиктована человеку трудная обязанность быть человеком? Делать доброе, когда можно его не делать; когда оно не вызвано корыстными соображениями и не вменяется в обязанность по должности?!

Отелло счастлив, но он не эгоист. Он хочет, чтобы весь мир был счастлив и радовался его и своей радостью. Доверие, открывающее все богатства человека, растит его духовные силы, он живет желанием видеть мир совершенным, он верит в гармонию, верит и надеется — отними у человека надежду, развитие общества остановится...

Да и сам Отелло утверждал, что люди должны быть такими, какими кажутся, а кажутся они чаще всего лучше, чем они есть на самом деле. Позднее Чехов скажет, что в человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли.

Мне видится именно такой Отелло, не потерявший веры в человека, несмотря на все злоключения. Он верит в любовь Дездемону, в ее чистоту; он верит в дружбу Яго, в его честность! Он верит в гармонию и негодует на тех, кто ее разрушает.

Но, когда, разуверившись и разлюбив, Отелло погружается в «хаос», он ненавидит Яго за то, что тот опорочил святое, за страшную пропасть, в которой благодаря ему оказался, за то, что перестал уважать себя и свой идеал. Теряя веру в счастье, он терпит с ней и право на жизнь, и тогда люди становятся «козлами и обезьянами». Тогда-то я, думаю, и приближаюсь к той теме, которую режиссер поставил передо мной, — «я и мир», не ходить вокруг жизни, а быть в ней.

Эта страстная борьба не оставляла людей равнодушными к катастрофе, не брали они Отелло и за легковерие, а за маской добропорядочности Яго распознавали коварную сущность сегодняшних яго.

Часто, особенно за границей, мне приходилось слышать, что спектакль вызывает ассоциации, связанные с негритянским народом, не забывали и славного сына этого народа Поля Робсона; а его жена, взволнованная, сказала мне: «Спасибо вам за доброе отношение к черному человеку!»

Подобное толкование явилось новым для зарубежных театров, в которых мы играли, и нам было дорого это признание. Оно отвечало задачам, поставленным перед спектаклем.

Мне дороги в Шекспире его любовь и умение поднять человека над бытом и мелочами, заставить звучать тему патетически, жить крупно.

И, НАКОНЕЦ, Лир.
«Старость — тяжелое платье, как бы тебя не носить», — поется в песне. Великий мудрец Гёте говорил, что в старости все

люди — лиры... И хотя старость закономерна, редко кто идет к ней бездумно или мудро.

Лир до поры был мудр. Он разделил государство на три равные части, чтобы не допустить междоусобицы, втайне надеясь руководить детьми, хотя и обещая им «доплестись до гроба налегке».

Чтобы скрасить горечь ухода от власти, Лир решает, полушуть и напоследок, насладиться фамильным славословием в свою честь. И вот государственный ум, пришедший к самообожествлению, сознанию собственной непогрешимости, срывается, когда Корделия отказалась надеть ему. Он делает ряд ошибок, которые влечут его к катастрофе, и катастрофа, в свою очередь, приводит его к просветлению.

Если в Отелло мы искали пламенную, хотя несколько и наивную, веру в человека, искали влюбленность в мир и Дездемону, душу героя, ничем не скованную, естественность поведения, не заурядные силы Лира мы старались «запружинить». Лир тоже прост и естествен.

Гуманистичность темы для всех веков и народов имеет свои оттенки и особенности. Нашей задачей было отыскать те особенности, которые наиболее соответствуют нашему времени.

Главное, что нас увлекало с постановщиком спектакля И. Анисимовой-Вульф, — не трагедия униженного бессердечными детьми отца, а крах эгоцентризма. Нас увлек гневный бунт Лира против волчьих повадок «волчицы» Гонериллы, лисы Реганы, вскорлеленных им на основе его же законов.

Стиль положений рождает глубокую философскую молчаливость: как Глостер ничего не видит вокруг, пока имеет глаза, — прозревает, как только их лишается, так и Лир: пока здоров, он — сумасшедший, как сошел с ума, — стал мудрым. Стоящий над всеми и попирающий права человека — властелин и потерявший все права, разделенный судьбой бесправных — человек.

Бессмертная трагедия поднимает одну из вечных тем, одинаково близкую, одинаково ранящую, вызывающую и неловкую, и досаду, и стыд, и горечь за виновных, и гордость за человека.

Мы пытались проследить жизнь человека неограниченной власти, деспота, человека больших страстей, но плохо владеющего ими, грозы соседей, война и охотника, веселого и гневного, ласкового и понимающего юмор мизантропа, который вдруг «терится» от «непостижимого», чтобы потом взбешенным и оскорбленным призывать как своих сателлитов на помощь небесные силы и стихии. А затем перейти к человеку, понимающему человека, его достоинство, сочувствующему, жалующему, разделяющему невзгоды обездоленных, к человеку, завоевавшему подлинную чужую любовь, испытывавшему ее к другим. И дойти до терпящего последние силы, хватающегося за сердце, — а сердце болит у того, кто его имеет, — измученного, драхлого, слепнувшего, но дорогого и просветленного человека, который умирает гордо.

Богатырский характер перемалывается в человека. В жестокости его переживаний мы видим их облагораживающую человечность.

Какая огромная палитра, какое разнообразие красок как яркие эти краски, характерные для дочерка Шекспира!

МЫ, АКТЕРЫ, не любим тревожить себя, особенно если рисунок роли создан и за себя говорит сам. Но сила наша именно в том, чтобы беспокойство стало привычным, чтобы обыденность не подменила патетику, говоря образно, чтобы стремительная пантера не переросла в домашнюю, сонную кошку.

Не понимаю я и того, когда рассказ об этих потрясениях становится бытовым или натуралистичным, для меня это хуже формализма, тогда целый ряд положений перерастает в патологию.

Жизненная правда должна быть осмыслена поэтически и доведена до патетического звучания.

Иногда мне удавалось заронить в сердце зрителя искру, которая не гасла после того, как занавес опустился.

Меня всегда увлекает искусство, заставляющее людей думать и переживать, упорно молчать или горячо спорить, и не увлекает искусство, дающее возможность зрителю сидеть в кресле развалившись и раскладывая наблюдения по полочкам.

Мне вспоминаются слова Леонидова, когда он в споре с модным в свое время течением «изображения» и «отношения к образу» гневно говорил: «Я выхожу на сцену и ухожу со сцены», разумея сцену как святое место, как трибуну, на которую не позволено входить ни в галошах, ни в шляпе (впрочем, так и делали актеры в старину), как место, где нельзя существовать в ночных туфлях и халате.

Такое отношение к сцене, а следовательно, и к делу вдохновляет.

По мне, всякое искусство может иметь место: и искусство переживания, и искусство представления, — главное, чтобы оно служило великой цели, для которой призвано.

Актер должен помогать людям не забыть об их обязанности — «быть человеком».

Я хочу искусства не только направленного, но и горячего, сердечного и не бесполого.

Пусть переживает актер все муки, которые сулит ему та или другая роль, пусть подрапает он себя на ее тернистом пути и расскажет потом зрителям о самом главном, самом нужном, дорогом, чтобы пережитое им сохранилось бы в душе зрителя. Чтобы не обрывал он у жизни мечты, как иногда ребенок обрывает крылья у бабочки, сохранил бы ее и развивал на пути к прекрасному, к которому идет общество.

Сейчас более чем когда-либо мы должны говорить об этом ярко, впечатляюще, сильно. Моральный облик человека сильно, направленно, нравственно чистого, красивого, доброго должен заботить нас беспрестанно, он — будущее.

Человек никогда не хотел умирать и даже выдумал для себя рай, в котором бы продолжалась его жизнь. Мы, не верящие в бога люди, верим в разум, в доброе дело, в добрые начинания, в деле своих рук видим свое будущее.

В этом исконное призвание русского, советского искусства, в этом всегда была его особенность. Горе нам, если мы разболтаем это великое по мелочам.

Самое сложное в нашем сложном деле — суметь пронести свое и не дать заглохнуть творческим силам ни при каких обстоятельствах. Надо помочь людям пронести свой факел на сильном ветру, который дует сейчас над планетой, и не только уберечь факел, чтобы его не задуло, но дать возможность разгореться ему еще сильнее, чтобы не страшны ему были никакие ураганы.

Вот некоторые мысли, которые возникают при одном упоминании бессмертного имени Шекспира.

БАЛКАРСКИХ ГОР!

Несколько лет назад мне предложили перевести «Отелло» на мой родной балкарский язык. Со школьных лет я много читал Шекспира и о нем, слушал лекции крупных советских шекспиристов, видел спектакли в лучших театрах страны. До сих пор звучит в моих ушах голос Отелло — Остужева с его непостижимыми, нигде больше мною не слышанными интонациями.

Я видел в роли Отелло Папазяна, Мордвинова, Тхапсаева. Мне было трудно решиться приступить к переводу. Пробовал отказаться — не вышло. Соблазн был велик. Передо мной стояла гора. Мне надо было взойти на нее, а я не знал, с какой стороны подойти к ней. Гора была так велика, что вершины ее я не видел. Но все же решился рискнуть.

До этого из западных драматургов-классиков мне приходилось переводить Лопе де Вега и Мольера. Какой-то опыт у меня был. Но как переводчик я впервые столкнулся с Шекспиром. Заново прочел о драматурге и его трагедии все, что мне было доступно. Много раз перечитывал «Отелло», стараясь как можно лучше вчитаться и понять трагедию со всех сторон. Работал над переводом много месяцев.

Прерывать работу и вновь возвращаться к ней я считал невозможным. Ведь я вжил в мир этой великой трагедии, в мир Шекспира. Поэтому работал ежедневно, отказавшись от всех поездок.

Сам процесс работы над переводом доставлял громадное удовольствие. Я как бы сражался, не щадя себя, будто мне угрожала опасность, мне было трудно и хорошо, как в праведном бою. Я сделал честно все, что было в моих силах, чтобы Шекспир заговорил по-балкарски так, как ему вообще положено говорить в любой стране. О результатах судить не мне. Радость моя была велика, когда шекспировские герои вышли на балкарскую сцену.

В процессе перевода я по-особому понял и буквально физически чувствовал громадность и общечеловечность созданных Шекспиром характеров, их всемирное звучание и мощь, глубину душевного мира доблестного Отелло, его чистоту и благородство, огромность его страданий; женственность, самоотверженность и красоту преданности Дездемону, ее смелость

в любви. Я увидел, с какой дьявольской изобретательностью развивает Яго свои интриги, чтобы привести Отелло к гибели. Следя за этим посланцем зла, я думал о коварстве фашистов. Пусть это не покажется кому-нибудь наивным или странным. Зло может сколько угодно менять одежду, но суть его неизменна. Поэтому не умирают создания Шекспира, не становятся памятником прошлого.

Работа над переводом «Отелло» еще больше убедила меня в силе и гибкости родного языка. Тюркские языки создали великих поэтов. Достаточно назвать имена Физули, Навои, Махтумкули, Габдуллы Тукая, Кязима Мечиева и Назыма Хикмета. Балкарский язык имеет среди тюркских языков свои, одному ему присущие черты. В нем мы слышим шелест нагорных трав и орлиный клекот, шепот листа платана и гул мятежных рек.

Наш театр ставил пьесы Лопе де Вега, Мольера, Гольдони, но за Шекспира не брался ни разу. И, переводя «Отелло», я не знал, как справиться театр с неповторимо своеобразным стихом английского драматурга. На премьеры я был рад до слез тому, что стих Шекспира зазвучал на балкарской сцене очень естественно и сильно. Он освоен и «озвучен» молодыми балкарскими актерами. Мы были свидетелями рождения нового трагического актера Хамида Юсупова. Его Отелло не похож ни на остужевского, ни на тхапсаевского, ни на папазяновского. Это новый Отелло молодого талантливого балкарского актера, красивый и человечный в своем благородстве, великий в своем счастье и заблуждениях; в своей любви и в горе.

Женственностью горянки веет от игры Елизаветы Кульбаевой — Дездемону, по-своему выразительно играет Эмилию молодая актриса Раиса Энеева; чувствуется, что молодые актеры, окончив Училище имени Щепкина, прошли хорошую школу.

«Отелло» на балкарской сцене — факт знаменательный во многих отношениях. И мне доставляет большое удовольствие сказать об этом читателям «Литературной России». Голос Шекспира звучит и в горских аулах под Эльбрусом, заворачивая чабанов и хлеборобов. Подлинное искусство доступно всем, оно радует всех.

Выражая свою радость, рожденную тем, что я тоже участник светлого праздника великого поэта, хочу сказать:

— Здравствуй, мой Шекспир! Прими цветы и моих балкарских гор!

НАЛЬЧИК